

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.3>

Жданов Сергей Сергеевич

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПОВЕСТИ А. Т. АВЕРЧЕНКО "ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ САТИРИКОНЦЕВ: ЮЖАКИНА, САНДЕРСА, МИФАСОВА И КРЫСАКОВА"

В статье рассматривается образ Германии, представленный в малоисследованном литературном травелоге А. Т. Аверченко "Экспедиция в Западную Европу Сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова (1911)". В образах немецких персонажей выделяется типажный компонент, связанный с традицией восприятия немцев в русской культуре как самодовольных и ограниченных филистеров, существование которых скучно, регламентировано и неизменно. Изображенному в травелоге пространству Германии свойственны мотивы технической мощи, угрозы, упорядоченности, а также глоттонический элемент - маркированность образами еды и питья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 2. С. 235-238. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Абайты А. Фыссаг ама поэты ныстуантæ // Рæстдзинад. 2007. 21 октябрь.
2. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2006. 416 с.
3. Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. М. – Л.: АН СССР, 1963. 549 с.
4. Достоевский Ф. М. Об искусстве. М.: Искусство, 1973. 632 с.
5. Ирон таурæгътæ. Орджоникидзе: Ир, 1989. 498 с.
6. Киплинг Р. Стихотворения. Роман. Рассказы. М.: РИПОЛ классик, 1998. 368 с.
7. Мачадо А. Избранное. М.: Художественная литература, 1975. 352 с.
8. Моруа А. Шестьдесят лет моей литературной жизни: сборник статей. М.: Прогресс, 1977. 352 с.
9. Нечаянная свадьба: Русская новелла конца XVIII – начала XIX века. М.: Детская литература, 1991. 270 с.
10. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали: Ирыстон, 1981. Кн. 1. 305 с.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1984. Т. XVII. 910 с.
12. Хетагуров К. Полное собрание сочинений: в 5-ти т. Владикавказ, 2000. Т. IV. 508 с.
13. Хуыгаты В. Уарзт ама фыдагъ // Рæстдзинад. 1996. 14 сентябрь.
14. Чешская новелла конца XIX – начала XX века. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.

LITERARY FEATURES OF SHAMIL DZHICAËV'S PROSE

Gazdarova Aza Khadzbatyrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz
azagazdarova@mail.ru

For the first time the article sets out the task of examining the literary peculiarities of Sh. Dzhicaev's prose. The main content is the analysis of the collection "Fire and Ashes". The purpose of the study is the structural-holistic analysis of Sh. Dzhicaev's prose. The paper summarizes some results and reveals new opportunities for studying Sh. Dzhicaev's creativity, his prose. The author objectively analyses a multitude of vital problems – philosophical, social, moral, and ethical – with the depiction of the inner world of a person and the study of profound changes in his psychology.

Key words and phrases: story; dramatic episodes; history; modernity; work of fiction.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 12.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-2.3>

В статье рассматривается образ Германии, представленный в малоисследованном литературном травелоге А. Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу Сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова (1911)». В образах немецких персонажей выделяется типажный компонент, связанный с традицией восприятия немцев в русской культуре как самодовольных и ограниченных филистеров, существование которых скучно, регламентировано и неизменно. Изображенному в травелоге пространству Германии свойственны мотивы технической мощи, угрозы, упорядоченности, а также глоттонический элемент – маркированность образами еды и питья.

Ключевые слова и фразы: А. Т. Аверченко; Германия; типаж; юмор; художественное пространство; русская литература XIX века.

Жданов Сергей Сергеевич, к. филол. н., доцент

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск
fstud2008@yandex.ru

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПОВЕСТИ А. Т. АВЕРЧЕНКО «ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ САТИРИКОНЦЕВ: ЮЖАКИНА, САНДЕРСА, МИФАСОВА И КРЫСАКОВА»

Тема немецкости в русской словесности уже достаточно давно разрабатывается в работах отечественных и зарубежных исследователей (например: [8-10]). В то же время юмористическая повесть А. Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу Сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» мало изучена с имагологической точки зрения. Скорее исключением здесь служит исследование О. Н. Туманова, в котором данное произведение привлекается среди прочих текстов как источник представлений русского общества о Западе [5]. Кроме того, следует отметить, что произведение А. Т. Аверченко представляет собой один из последних травелогов досоветского периода русской литературы, изображающий Западную Европу, поэтому представляется важным выявление связи повести с отечественной литературной традицией.

В нашей работе мы ограничимся анализом немецкости в тексте «Экспедиции...». Здесь уместно привести данную Т. А. Филипповой характеристику довоенного образа немца в «Новом Сатириконе», редактором которого выступал А. Т. Аверченко. Этот образ, по мнению исследователя, «отличают не слишком оригинальные, но типичные для отечественного восприятия черты... Германия же по традиции предстает как первая страна Европы, куда попадали русские путешественники... синоним Европы и всего, что с ней связано –

культуры, науки, налаженного быта, технического прогресса» [6, с. 123]. Кроме того, заметим, за немцами в русской культуре начала XX века закрепился образ недалеких филистеров, о чем свидетельствует В. В. Набоков: «...Германия казалась нам страной, где пошлость... стала одним из ведущих качеств национального духа...» [3, с. 74].

Давая характеристику немцам в разделе «Германия вообще», А. Т. Аверченко не отходит от традиции описания немецкости, сатирически заостряя через сравнения с другими нациями мотив немецкой срединности, которая превращается в филистерскую посредственность: по мнению рассказчика Южакова (литературная маска – Аверченко), в чистоплотности немцы уступают англичанам, в вежливости – итальянцам, в веселости – французам, в милосердии – русским (и славянам вообще). Честность же данной нации происходит из-за «недостатка воображения» [1, с. 321]. Более того, немцы низводятся на даже не животный, а «вегетативный» уровень живой природы, будучи сравнены с огурцом в «пассивном» качестве честности: «Ни один огурец не сделал в течение своей жизни ни одной подлости или мошенничества; следовательно, огурец следует назвать честным?» [Там же]. Усредненность обывателя доводится до кульминации в описании «среднего немецкого мужчины», который, подобно мюзилевскому «человеку без свойств», «не имеет ни страданий, ни сомнений, ни очень возвышенных, ни очень низменных чувств» [Там же, с. 323]. Кроме того, на характеристику немцев влияет образ врага в связи с Первой мировой войной, причем влияет постфактум, в авторских ремарках, добавленных в издание после написания самого произведения. Они направлены на опровержение даже не вполне проявленных положительных свойств немцев – вежливости, милосердия, честности: «Настоящая книга написана до войны с немцами»; «До войны мы, русские, все думали это» [Там же, с. 321]. Качества же аккуратности и методичности, которые, согласно нарратору, у немецкой нации выражены сильно, подаются с негативной окраской, как выводящие «настоящего русского из себя» [Там же, с. 322]. Раскрытие этих раздражающих в немецкости черт посвящено несколько сцен повести. Так, на вопрос немца, чем нравится Южакову Германия, тот называет «маленький выступ с желобками» в телеграфной конторе у окна телеграфиста, предназначенный для складывания сигар: «При этом над каждым желобком стоят цифры – 1, 2, 3, 4, 5, – чтобы владелец сигары не перепутал ее с чужой сигарой» [Там же, с. 320]. Рассказчик гротескно заостряет эту реалию, подчеркнув, что не представляет, «чем еще Германия могла...» бы ему «понравиться» [Там же, с. 321]. Ту же методичность проявляет «монументальный сторож» в берлинском музее военных трофеев, который на вопрос о знаменах начинает «со вкусом медленно чеканить»: «Знамена есть налево; знамена есть направо; знамена есть впереди; знамена есть в нижнем этаже; знамена есть в верхнем этаже; знамена есть в среднем этаже. Какие именно знамена хотели бы вы видеть?» [Там же, с. 322]. Занудство, пристрастие к классификации и перечислению акцентируются и в комическом эпизоде в гостинице, в которой немец-мануфактурщик методично стучится в двери каждого номера, начиная с первого, и спрашивает некоего господина Шульца, нужного ему по делу. Каждый раз стучащийся произносит одну и ту же фразу («Очень прошу извинения – не здесь ли находится в гостях господин Шульц; он мне нужен по одному мануфактурному делу»), добавляя к ней по принципу рекурсии, что искал уже в первом, втором и т.д. номерах [Там же]. Примечательна и реакция немцев из номеров. Вместо того, чтобы, как поступили бы в подобной ситуации русские, кинуть сапогом «в голову незадачливого мануфактурщика», в немецкой гостинице отвечали столь же вежливо и методично: «Я очень сожалею, но у меня в пятом номере нет в гостях господина Шульца, необходимого вам по мануфактурному делу; но нет ли господина Шульца в номере шестом?» [Там же]. Методизм немцев подчеркивается рассказчиком и в описании табличек в Германии, нарочито тривиальных и самоочевидных. Так, немецкие двери снабжены надписью «выход». Особенно же поражают рассказчика надписи в уборных немецких вагонов: «...“просят нажать кнопку”, “просят бросать сюда ненужную бумагу”, под стаканом надпись “стакан”, под графином “графин”, “благоволите повернуть ручку”, “в эту пепельницу покорнейше просят бросать окурки сигар, а также других табачных изделий”» [Там же, с. 323]. По ироническому замечанию Южакова, «это целая литература» [Там же], которая упорядочивает и регламентирует жизнь немцев. Каждому предмету в немецком пространстве предназначены свое место и своя функция. Это особый лишенный угроз и случайностей локус, где обыватель «спокоен за себя, за семью и за родину» [Там же]. Центр этого пространства – самодовольный филистер, который «любит прежде всего себя, за то, что никогда не доставлял сам себе ненужных страданий; потом семью, потому что дети не огорчают его, а жена не изменяет, по недостатку темперамента или поклонников; наконец, любит родину, потому что она заботится о нем, пишет на каждых дверях “выход” и устраивает удобные перенумерованные желобки для сигар у телеграфных окошечек» [Там же]. Таким образом, в этом локусе действуют практически лапласовский детерминизм и целерациональность закрытой системы, поддерживающей собственную стабильность. Ахронность локуса обеспечивается уже упомянутой регламентацией и повторением одних и тех же действий. Так, благодаря «спокойствию», филистер имеет «возможность веселиться», причем в строго отведенное время: «...он действительно каждый день веселится, но не утром или днем – когда нужно устраивать свое благосостояние, – а вечером» [Там же, с. 323-324].

С мотивом немецкого ахронного веселья связывается, кроме того, свойство филистерского примитивизма, когда «в любимой пивной собирается каждый день одна и та же компания...», чтобы пить и произвести одни и те же незамысловатые шутки о жене, которая якобы бьет герра Штумпе, или о колбасе, которую-де герр Миллер делает из собственного мопса. Ограниченный комизм этих шуток приходит в контраст с гипертрофированным образом смеха, который они вызывают: это «взрывы хохота», «гомерический хохот», сопровождаемый «всеобщим восторгом»; «хохот потрясает стены пивной», словно «скала обрушилась»; герои задыхаются «от смеха», стонут басом, изнемогают и становятся совершенно измученными своим весельем [Там же, с. 324]. «Присяжный весельчак и юморист» этой компании, герр Миллер, снабжен в описании портретной чертой,

характерной для немцев-филистеров, а именно полнотой, которая характеризует источник веселья – «толстую голову» персонажа [Там же]. Заметим также, что именно пивная (и вообще место распития пива) выступает типажным «интимным» локусом, в котором особенно ярко проявляется филистерская сущность Германии в русской литературе – от Д. И. Фонвизина до С. Черного. Кроме того, упоминание колбасы из мопса отсылает к образу Германии как пространства колбасы, колбасного царства. Так характеризует немецкий хронотоп, например, купец Иванов, герой юмористического цикла рассказов Н. А. Лейкина «Наши за границей», а его жена постоянно опасается, что немцы делают колбасу из «собачины» [2, с. 94]. Мотивы грубого немецкого веселья и одновременно рациональной экономности реализуются также в эпизоде с развлекающим в Италии немцем, который бросает бедным ныряльщикам монеты, «но, как человек экономный, не желающий даром тратить денег...», старается либо забросить деньги подальше, чтобы за ними было труднее плыть, либо «попасть ныряльщикам в голову» [1, с. 393]. Наконец, над немецким самодовольным остроумием иронизирует спутник Южакова, Крысаков, описывающий беседу с немецким школьником, который заявляет, что больше всего на свете любит «свою прекрасную родину», считает стыдным драться с обидевшим его сверстником: «Лучше сообщить о нехорошем поступке мальчика его родителям, которые скажут ему, что он их огорчил, и ему станет стыдно» [Там же, с. 331]. «Лучшим отдыхом в свободное время» является для этого маленького немца петь по воскресеньям в школе «духовные псалмы» [Там же]. Таким образом, как замечает Крысаков, меткими и остроумными эти ответы может посчитать лишь «немецкий дуралей» [Там же].

Беседа с немецким благонаправленным мальчиком в аверченковском тексте также напоминает разговор немецкого мальчика в штанах и русского мальчика без штанов в цикле М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом». По мнению мальчика без штанов, мальчик в штанах говорит «скучно», «мямлит», «канителью разводит», тогда как последний думает, что говорит «весело», «как говорят» его «добрые родители» [4, с. 34], т.е. следует образцам поведения взрослых, действует в логике повторяемости немецкого пространства. Кроме того, и «остроумный» мальчик у А. Т. Аверченко, и мальчик в штанах М. Е. Салтыкова-Щедрина руководствуются в своих поступках родительским авторитетом. Первый замечает, что драка огорчит родителей драчуна; второй же не хочет садиться в лужу, поскольку «это огорчит» его «добрых родителей» [Там же, с. 33]. Сравним также с замечанием Южакова о любви немца-филистера к семье из-за того, что «дети не огорчают» его [1, с. 323].

Отсутствие у немцев тонкого вкуса высмеивается Южаковым и на примерах вещного мира. Иронически поданная «немецкая любовь к изящному» проявляется в Берлине в дизайне автомобилей, большинство которых «раскрашено разноцветными розочками», удовлетворяющими филистерское понятие о прекрасном: вообще, «всякая вещь, которая поддается позолоте – золотится; не поддается позолоте – ее украсят розочкой...» [Там же]. То же самое касается и немецкой женской моды: в «наряд немецкой женщины» входят «зеленая шляпа с желтым пером и красной розочкой»; голубая юбка, обшитая «внизу оранжевыми полосками»; кофточка «скромного» фиолетового цвета, одетая так, «что грудь делается плоской, а спина пузырится, как волдырь на обваренном месте...»; наконец, «большие» башмаки «из грубой кожи» и чулки из верблюжьей шерсти [Там же]. Одежда добротна, надежна, но аляписта и абсолютно неженственна, даже отталкивающая из-за физиологического сравнения с волдырем. Более того, образ немки переносится на образ Берлина, а тот – на образ всей Германии: «Из этих элементов составляется вся немецкая женщина, из женщин – толпа на главных улицах, толпа дает физиономию всему Берлину, а Берлин – Германии» [Там же].

Вообще, текст «Экспедиции в Западную Европу...» весьма скуп на описания немецких урбанистических локусов (в отличие от явно вызывающих восхищение у рассказчика и, соответственно, подробно изображенных итальянских городов). Так, характеристика Мюнхена укладывается в два слова: «веселый» и «красивый» [Там же, с. 335]. Изображенный мимоходом образ Нюрнберга двоятся. Для Южакова город остается воспоминанием об «идиллическом настроении» «на фоне суровых, тесно сдвинувшихся зданий, в окна которых, казалось, грозно глядят прошлые, серые века, закованные в латы и отягощенные доспехами» [Там же, с. 354]. С точки зрения русских спутников нарратора, Нюрнберг выступает филистерским локусом, представленным «толстым немцем», хозяином кабачка, где путешественников «угостили несравненными кровяными колбасами, братвурстом и изумительным пивом» [Там же]. Впрочем, рассказчик противоречит себе в подчеркнутом противопоставлении своих «высокодуховных» воспоминаний физиологически сниженным образам коллег, саморазоблачаясь в признании: «Я до сих пор не могу забыть ни этих колбас, ни этого пива...» [Там же].

Попутно заметим, что глуттонический, колбасно-пивной, типажный образ Германии является фоновым лейтмотивом немецкого фрагмента повествования, который обыгрывает стереотипные представления русских. Так, согласно Южакову, типичный турист, побывавший в Германии, может сообщить после долгих расспросов лишь то, что здесь «хорошее пиво» [Там же, с. 319]. Крысаков прерывает свои пространственные рассуждения о немецком остроумии ремаркой: «Кстати о немцах. Меня томит жажда. Не выпить ли нам пива?» [Там же, с. 331]. Тем самым подтверждается устойчивая ассоциация «немцы – пиво». Тот же Крысаков, подъезжая к Германии, «лаконично» замечает: «Тут пьют пиво» [Там же, с. 342]. Русские герои-путешественники во время пребывания в стране покоряются ее «обычаям» и начинают «поглощать в неимоверном количестве этот национальный напиток», в результате чего у них в Германии вырабатывается особый «колбасно-пивной шаблон»: «Четыре кружки пива, бульон “миг-ай”, шницель и братвурст мит-краут» [Там же].

Кроме того, А. Т. Аверченко, чья ирония в данном случае обращена не столько на немцев, сколько на русского «массового» туриста, дает игровой, «обманный» образ Нюрнберга, в котором история находящегося там «замка Барбароссы» оказывается выдуманной Мифасовым, рассказавшим «старинное предание о знаменитом тысячелетнем дубе, посаженном во дворе замка графиней Брунгильдой» [Там же, с. 308]. В действительности же дерево было посажено не Брунгильдой, а Кунигундой и оказалось не дубом, а липой, «которая,

по сравнению с тысячелетним дубом, была сущей девчонкой» [Там же]. Сравним также с поисками малограмотным русским туристом Кельнского собора в Страсбурге [Там же, с. 319]. В эпизоде с искажением легенды о нюрнбергском замке, помимо высмеивания подобного туризма, также проявляется «неверным эхом» традиция отечественных сентименталистских и романтических травелогов, включающих в свой нарратив немецкие сказания. Наконец, в тексте возникает и вовсе несуществующий город Фаркартен, который не знающий языка Крысаков считает неким «болотистым» «местечком под Берлином», и который на самом деле является табличкой «дорожные билеты» на немецком [Там же, с. 338].

Наиболее подробно, по сравнению с иными немецкими урбанистическими пространствами, в повести А. Т. Аверченко изображается локус Берлина, который, как говорилось выше, олицетворяет для рассказчика современную Германию в целом. В эпитете города «чудовищный» [Там же, с. 335] объединяются мотивы угрозы и антиэстетичности, связанные с восприятием нарратором немецкости. Чудовищность Берлина также связана с его размерами, передаваемыми определением «громадный» [Там же]. Город заполнен толпами спешащих безвкусно одетых женщин, самодовольных мужчин, по его дорогам ездят безвкусно украшенные автомобили. «Ясные дни» здесь редкость: это «туманный» и «дождливый» локус [Там же, с. 326]. Кроме того, Берлин характеризуется как «скучный город» [Там же, с. 319], что в целом соответствует традиции его описания в русской литературе рубежа XIX-XX веков. Сравним, например, с рефреном в стихотворении С. Черного «В Берлине»: «Солидно смеются. Скучно!» [7, с. 251]. Суть Берлина воплощает также образ большого универмага Вертгейма, «колоссального сарая», «апофеоза немецкой промышленности», «живого памятника берлинской дешевизны, удобства и безвкусицы» [1, с. 326]. Здесь объединяется целый ряд маркированных немецкостью мотивов: громадность, утилитарность, безвкусица, процветание коммерции и производства. Иронически-гротескный образ могущества промышленной Германии, проникающей повсюду в Европе, присутствует и в замечании Южакова о демонстрируемых туристам захоронениях властителей Венеции, что, видимо, «в прежние времена трупы знаменитых дожей заготавливались оптовым способом на одной из немецких фабрик...» [Там же, с. 348].

Итак, комический образ Германии в повести А. Т. Аверченко базируется на стереотипных представлениях, зафиксированных в русской литературе. Немецкие персонажи зачастую соответствуют образам типажных филистеров, ограниченных, самодовольных, усредненных, методически-педантичных. Им соответствует «скучное», регламентированное и ахронное, немецкое пространство, в котором действует принцип повторяемости. Подробнее всего описан в тексте локус Берлина, предстающий как средоточие филистерства, технической цивилизации и скрытой угрозы.

Список источников

1. **Аверченко А. Т.** Собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 2. 464 с.
2. **Лейкин Н. А.** Наши за границей. Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых. В Париж и обратно. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1892. 472 с.
3. **Набоков В. В.** Наш господин Чичиков // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 2001. С. 72-105.
4. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 14. 704 с.
5. **Туманов О. Н.** Деятельность русских писателей и публицистов по формированию отношения российского общества к Западной Европе (конец XIX – начало XX века). М.: Типография «ЦМИК», 2010. 236 с.
6. **Филиппова Т. А.** Немцы – это только повод. Риторика образа врага (по материалам журнала «Новый Сатирикон») // Копелевские чтения 2007. Россия и Германия: диалог культур: сборник статей / под ред. А. И. Борозняка, В. Б. Царьковой. Липецк, 2008. С. 122-130.
7. **Черный С.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Эллис Лак, 1996. Т. 1. Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905-1916. 464 с.
8. **Lebedeva O. B., Januškevič A. S.** Deutschland im Spiegel der russischen Schriftkultur des 19. und beginnenden 20. Jahrhunderts. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 2000. 276 S.
9. **Müntjes M.** Beiträge zum Bild des Deutschen in der russischen Literatur von Katharina bis auf Alexander II. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1971. 136 S.
10. **Schulz R. K.** The portrayal of the German in Russian novels: Gončarov, Turgenev, Dostoevskij, Tolstoj. München: Otto Sagner, 1969. 215 p.

GERMANY IMAGE IN A. T. AVERCHENKO'S STORY "EXPEDITION OF SATYRICONERS IN WESTERN EUROPE: YUZHAKIN, SANDERS, MIFASOV AND KRYSAKOV"

Zhdanov Sergei Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk
fstud2008@yandex.ru

The article deals with the image of Germany represented in the little-studied literary travelogue by A. T. Averchenko "Expedition of Satyriconers in Western Europe: Yuzhakin, Sanders, Mifasov and Krysakov (1911)". In the images of German characters, the author singles out a prototypical component connected with the tradition of the perception of the Germans in Russian culture as self-satisfied and narrow-minded philistines, whose existence is boring, regulated and invariable. The motives of technical power, threat, ordering, as well as a gluttonic element – markedness with the images of food and drink – are characteristic of the space of Germany depicted in the travelogue.

Key words and phrases: A. T. Averchenko; Germany; prototype; humor; artistic space; Russian literature of the XIX century.